

Эта история началась пять лет назад с краткой встречи.

□

- Ученик Сянь Цай, ваш перевод подтвержден, - Чу Пин обошла вокруг стола. Она хотела ободряюще похлопать мальчика по плечу, но, когда их глаза встретились, ее ладонь лишь слабо коснулась его руки. - Именно поэтому я приветствую вас от лица музыкально-танцевального отделения школы Хуа'у.

- Спасибо, - глаза Сянь Цая были опущены, ресницы дрожали, но на лице держалась благовоспитанная улыбка. - Учитель Чу, я буду под вашей опекой следующие два года.

- Да-да, верно, - Чу Пин была завучем, но на самом деле, она была всего лишь на несколько лет старше своих учеников. Она посмотрела на семнадцатилетнего подростка перед ней, ей хотелось сказать многое, но, в конце концов, она просто поправила очки и мягко спросила:

- Ты что-нибудь знаешь о нашем отделении?

- Если честно, то нет, - ответил Сянь Цай.

- Может, ты какие-нибудь книги почитал?

- Если честно, то нет.

- Эээ... - Чу Пин почувствовала некоторую беспомощность, но у нее всегда был хороший характер, поэтому она мягко пояснила:

- Мы специализируемся на пении и танцах, в основном, обучаем исполнителей. Пение, актерская игра, танец - важны все три.

Пока она говорила, Сянь Цай спокойно на нее смотрел.

Чу Пин внутренне вздохнула.

В этом возрасте юноша уже созрел. Поскольку он пел и танцевал с детства, он был отлично сложен. Его приняли в школу Хуа'у после того, как он занял первое место на вступительном экзамене в отделение балета, и уже тогда ноги у него были на 18 сантиметров длиннее туловища. Он был рожден танцевать и обладал трудолюбием. После того несчастного случая к нему не раз приезжал декан балетного отделения, чтобы решить вопросы, связанные с

переводом.

Какая жалость...

Припомнив все это, Чу Пин не выдержала и бросила взгляд на его ноги.

- Короче говоря, большинство наших студентов стали актерами после выпуска, - ее голос смягчился, пока она это говорила. - Послушай, многие из современных великих актеров и актрис закончили наше отделение! Конечно, есть и небольшой процент тех, кто решил поступать на факультет музыкального театра... В твоём заявлении написано, что ты хочешь поступать туда в будущем, так ведь?

- Эн, - когда Сянь Цай подумал о будущем, его глаза наконец-то заблестели. Он не собирался бросать танцы, но из-за того несчастного случая больше не мог исполнять прыжки на сцене. Это значило, что музыкальный театр остался его единственной надеждой.

- Это хорошо-о~, - согласилась Чу Пин. - По сравнению с одноклассниками ты отстал по классу актерской игры, поэтому тебе нужно постараться изо всех сил, чтобы догнать их как можно скорее. Кстати, сколько мюзиклов ты смотрел?

- ...

Видя, как он отводит глаза, чтобы избежать ее взгляда, Чу Пин догадалась, что тот не сделал свою домашнюю работу.

- Все в порядке, ты можешь мне сказать, - заверила его Чу Пин. - Неважно, десять, двадцать, пять или восемь.

Она сделала паузу, заподозрив кое-что.

- Не может быть, чтобы ты ни одного не видел, верно?

- Я видел один, - ответил Сянь Цай.

- Правда? Какой именно?

- «Звуки музыки».

- ... - Чу Пин подумала, что, если спросить любого ученика средней школы, тот ответит, что видел этот мюзикл.

Завершив все процедуры перевода, Чу Пин проводила Сянь Цая в музыкально-танцевальный класс.

На отделениях Хуа'у работала система общежитий, и занятия проходили каждый день, даже по субботам и воскресеньям. Было только два выходных в конце месяца, чтобы ученики могли съездить домой. У каждого ученика было по три обязательных класса каждый день, и к его концу они всегда были измотаны и хотели спать.

Сянь Цай вытащил из ниоткуда жевательную резинку, сунул ее в рот, пожевал немного и начал надувать пузырь за пузырем.

Чу Пин слышала один хлопок за другим, и хотела сказать Сянь Цаю, чтобы тот прекратил, но в конце концов проглотила все невысказанные слова.

Заявление Сянь Цая было одобрено руководителями школы. До него здесь никогда не было учеников, сменивших специальность, были лишь те, кто не успевал в классах, и уходил, плачась мамочке.

Когда директор школы передавал Чу Пин файлы Сянь Цая, он неоднократно повторил ей: «Вы должны знать, что случилось с этим мальчиком. Он рожден для сцены. Жаль, что у него такие родители... Мы провели встречу по этому поводу, и я решил, что невыносимо было бы глядеть, как его талант растрачивается впустую, поэтому я и передаю его вам. Я уверен, что он будет хорошо трудиться, так что и вы должны поработать, чтобы просветить его».

Чу Пин была молодым учителем, так что, естественно, она не должна была заведовать отделением. Но педагог, которая изначально им руководила, забеременела, и ее место смогла занять только Чу Пин, которая закончила университет несколько лет назад.

Лучше было бы сказать, что она больше походила на старшекурсницу, чем на учительницу. В тот год, когда она заканчивала Хуа'у, до нее дошли слухи, что среди первокурсников – гадких утят – затесался ослепительный юный лебедь. Она слышала, что это была красота того рода, от которой невозможно отвести глаза.

Академии искусств всегда собирали красивых мужчин и прелестных женщин, но, когда Сянь Цай поступил сюда в 11 лет, он уже обзавелся группой старшеклассников, которые болели за него в танцевальной студии.

Даже нося одну и ту же форму, что и одноклассники, стоя в одной и той же позе с похожими чертами лица, Сянь Цай все равно выделялся над средним уровнем. Все тепло называли его маленьким принцем балета; даже когда он шел в столовую, дежурная тетюшка подкладывала ему ложку самой лоснящейся рыбы и самых больших креветок. Всякий раз, когда к ним приезжали с телевидения, чтобы взять интервью, Сянь Цая выбирали, чтобы представлять школу.

Но теперь этот благородный принц балета, пропустив год учебы, внезапно перешел на музыкально-танцевальное отделение.

Сразу после того несчастного случая руководитель школы немедленно отправил кого-то навестить его в больнице. Чу Пин слышала, что учительница Ян, которая преподавала основы танца, проплакала весь день после того, как вернулась из госпиталя.

Та звезда, что должна была ярко засиять в будущем, восход которой все ждали с нетерпением, закатилась.

К счастью, Сянь Цай в конце концов смог вернуться, но Чу Пин не знала, сможет ли он вписаться в музыкально-танцевальное отделение.

Чу Пин провела Сянь Цая в класс.

Это время было отведено на самоподготовку. Но, конечно, особой разницы между самоподготовкой без учителя и ничегонеделанием не было. Некоторые из учеников сидели группами, некоторые болтали, часть из них играла в гомоку квадратными фишками.

[П/п: настольная логическая игра для двоих человек, известная еще как «крестики-нолики на бесконечном поле».]

Но все они замерли, увидев, как Сянь Цай входит в классную комнату.

Это скорее походило на то, как будто бы все они попали в открытый космос без кислорода и звуков. Они могли только открыть рот и с неловкостью смотреть на мальчика, который обреченно вошел в класс.

Чу Пин не нужно было его представлять.

Его имя, его внешность, его танцевальные навыки, его история... Всем в кампусе было известно, кто он такой, даже если он сам об этом не подозревал.

Просто эти ученики никогда и подумать не могли, что станут одноклассниками легендарного Сянь Цая.

- Э-э... Сянь Цай, ты можешь сесть в третьем ряду, - Чу Пин назначила ему лучшее место в комнате.

- Спасибо, учитель, но я хотел бы сесть сзади, - ответил Сянь Цай уже неся свою сумку в последний ряд.

Чу Пин беспомощно подумала о том, что характер Сянь Цая весьма отличался от того, какие слухи о нем ходили.

Но когда она вспомнила обо всех ужасных вещах, которые пережил этот мальчик, несмотря на свою юность, она решила, что резкая перемена характера в такой ситуации была вполне нормальна.

Сянь Цай решил сесть у окна, за одну парту с круглолицей пухленькой девушкой, глаза которой были переполнены удивлением.

Сянь Цай бросил свой пустой школьный рюкзак на пол, и до того, как он уселся на место, эта девушка протянула ему пакетик с острой сушеной рыбой.

- Я - Ци Цзи, - сказала она. - На, поешь!

Сянь Цай взглянул на пакет сушеной рыбы и нерешительно задал вопрос:

- Извини, что спрашиваю, но разве в этом классе не надо взвешиваться каждую неделю?

- ...Ну ты и высокомерный, - глаза Ци Цзи расширились.

- ...

- Музыкально-танцевальный класс не такой строгий, - сказала Ци Цзи. - Я слышала, что в балетном классе приходится взвешиваться каждую неделю?

- Да, - Сянь Цай отвечал более высокомерно, чем раньше. - Девушке с твоим ростом требуется весить меньше 42 килограмм.

- Никогда не видела это число на весах, - вздохнула Ци Цзи. - Только на градуснике.

- ... - Сянь Цай подумал, что это заявление одноклассницы было немного чересчур.

Пока они болтали, другие студенты шептались. До тех пор, пока учитель был в классе, никто не осмеливался говорить вслух, слова сжимались в их горле, и они гудели, словно пчелы или мухи.

И лишь когда Чу Пин ушла, все вокруг взорвалось.

Бесчисленные рты, что-то шепчущие друг другу, походили на непрекращающийся ночной дождь, и его холодные капли падали прямо на Сянь Цая.

Но Сянь Цай к этому привык.

За последний год он привык к тому, что люди жалели его, глядели на него с сожалением и печалью.

Он притворился, что не замечает их, и повернулся к своей новой соседке.

- Что ты слушаешь? - он показал на наушники.

Ее телефон был спрятан в кармане и из выреза школьной формы виднелся только черный провод, частично прикрытый волосами.

Им не разрешалось приносить телефон в класс, поэтому, когда вошла заведующая, она быстро его спрятала.

Ци Цзи не ожидала, что бог кампуса заговорит с ней. Ее круглое лицо покраснело, и она прошептала:

- Ты не можешь сказать учителю! Ах, у меня уже три телефона отобрали - радиодрама моего любимого АО закончилась, я слушаю и записываю, чтобы потом транслировать!

- ...

Это было впечатляюще. Такая фраза смогла затронуть все слепые пятна в познаниях Сянь Цая.

Что за АО, что за радиодрама? Куда и зачем транслировать?

Но Сянь Цай всегда был слишком гордым, чтобы прямо задать вопрос.

- Какое совпадение, - он ответил искушенным тоном, - я тоже люблю радиодрамы.

- Что, правда?! - Ци Цзи была в шоке. - Какой АО тебе нравится?

- Нет конкретного АО, - неторопливо ответил Сянь Цай. - только те, что поднимаются в чарты, ну, ты, наверное, понимаешь.

Если бы Ци Цзи говорила с ним о спорте, играх или знаменитостях, он ответил бы так же расплывчато.

Ци Цзи была действительно поражена. Она посмотрела на принца балета с изысканной

внешностью как у фарфоровой куклы, потом на свои наушники за десять юаней, купленные на уличном рынке, немного посомневалась, а затем спросила:

- Хочешь послушать?

Наушники аккуратно вставили в уши Сянь Цяю, и гудение, издаваемое дешевой моделью, заставило его поморщиться.

Но в тот же момент в наушниках раздался глубокий, притягательный и нежный мужской голос.

Этот голос распространялся сквозь электрические волны, останавливая время и пространство, он, будто молния, раскалывающая темное облако пополам, проник в уши Сянь Цая, заставив вздрогнуть душу:

[[Не смейтесь надо мной, ребята, я очень плохо пою, поэтому прочитаю это как стихотворение. Песня «Мои любимые вещи» из мюзикла «Звуки музыки» для вас.]]

[П/п: АО - сокращение от «актер озвучания».]

<http://bllate.org/book/13905/1225452>